

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

А.В. Севостьянова

студент "Частное профессиональное
образовательное учреждение "
"Северо - Кавказский колледж
инновационных технологий"

**О.П. Мелешко канд.юрид.наук ,
доцент**

"Частное профессиональное
образовательное учреждение"
"Северо - Кавказский колледж
инновационных технологий"

Аннотация: юридическая техника как социально-правовой феномен, ее роль в совершенствовании правотворческой, правоприменительной и других видов юридической деятельности обуславливает внимание к ней со стороны юридической науки. Логика развития научного знания предполагает повышенный интерес исследователей к наиболее важным и наименее изученным объектам, проблематика которой в течение долгих лет была жестко ограничена вопросами правотворчества и лишь в последнее десятилетие выступила объектом самостоятельного научного поиска.

Ключевые слова: Юриспруденция, юридическая техника, позитивное право, философский дискурс, юридическое мышление, юридические методы.

Профессия юриста, как и любая другая, предполагает наличие не только специальных знаний, но и особых средств и навыков их использования - особого профессионального мастерства. Это профессиональное искусство юриста, традиционно именуемое юридической техникой, оказывается востребованным на всех этапах правового развития общества, однако, по мере усложнения общественной жизни и ее правового регулирования значение его многократно возрастает. Первый, институциональный аспект актуальности изучения юридической техники обусловлен, таким образом, тем, что она, как целостный, социально-правовой институт, как практический метод создания и развития действующего права, объективно необходима человеческому обществу. Определенная политическая нейтральность позволяет отнести ее к числу «вечных» правовых явлений, никогда не теряющих своей актуальности. В числе современных факторов, повышающих практическое значение юридической техники, рост популярности юридической профессии, формирование юридического сообщества, которое постепенно приобретает такие объективно необходимые атрибуты, как специфические профессиональные этика и техника.

Для современной юриспруденции юридическая техника неразрывна с формой и организацией позитивного права, юридическими действиями, в силу чего исторически возникает и совершенствуется вместе с правом и даже, в рамках определенных представлений, может рассматриваться как один из аспектов оценки его развитости. И хотя такое понимание сложилось, главным образом, в результате теоретических реконструкций европейской правовой традиции, убедительных концептуальных оппозиций ему в сегодняшнем правоведении, пожалуй, не существует [1].

Естественноисторический залог генерализации сформировавшихся теоретических представлений вполне оправдывает обсуждение юридической техники позитивного права любой цивилизации от древнего общества до современности [2]. Однако с методологических позиций эвристическая перспектива сложившегося сегодня подхода как минимум не очевидна, что наблюдается даже в рамках наиболее исследованной европейской правовой традиции. Свидетельство тому, в частности, явно неудовлетворительная для целей науки (да, пожалуй, и практики) определенность понятия «юридическая техника». В последние годы данный факт весьма отчетливо фиксировался в нашей литературе. Так, по мнению В.М. Баранова, «термин “юридическая техника” неточен, глубоко противоречив и применяется лишь в силу правовой традиции» [3]. Г.И. Муромцев считает, что сложившаяся многозначность понятия «юридическая техника» и поли- смысловое употребление данного термина «делает проблематичным его использование в качестве научного понятия». Выход из ситуации исследователь видит в конвенциональном формировании понятия «юридическая техника», правда, при условии его углубленной научной проработки, уточнения границ, выработки определения [4]. Смысл предлагаемого конвенционального способа определения значения термина «юридическая техника» не очень понятен, поскольку существующие методологические трудности и теоретические противоречия концептуализаций юридической техники при этом вряд ли будут сняты. Об этом, кстати, свидетельствует и предлагаемый автором подход к проблеме, в котором «юридическая техника есть широкая многоаспектная категория для выражения:

- 1) прикладных аспектов профессиональной юридической деятельности;
- 2) формально-структурных аспектов теории права, а также действующего права;
- 3) степени совершенства формы, структуры и языка права. Имея собственное содержание, юридическая техника — в известном контексте — сливается с правом».

Спор между теоретиками права возникает уже в начале научного познания права; даже более, именно по поводу исходного вопроса - к какой области явлений принадлежит право - начинается непримиримое разделение направлений и школ в интересующей нас науке. Достаточно вспомнить наиболее существенные ответы на этот последний вопрос, чтобы сразу получить яркое представление о том, в каком неопределенном положении находится эта сфера научного знания» [5]. Однако, несмотря на трудности

приведения юридической науки к гносеологическим идеалам научного познания, юристам есть смысл пройти этот путь до конца хотя бы для того, чтобы глубже и точнее понять назначение и возможности своей области знания.

Относительно юридической техники задача стоит, прежде всего, в определении ее места и роли в структуре юриспруденции, соотношения с доктриной права, теоретической наукой, прикладными исследованиями и разработками юриспруденции [6]. Успешное решение любой исследовательской задачи предполагает избрание адекватных методологических средств. В данном случае ожидаемые результаты требуют целевого обращения как минимум к двум методологическим подходам. Во-первых, генетическому, позволяющему, в частности, акцентировать внимание на формировании технического отношения к праву, рассматривать юридическую технику в контексте правовой культуры, оценивать степень самостоятельности технической юриспруденции, сохранение ее достижений при смене экономических и политических эпох, правовых систем общества. Во-вторых, системному, дающему возможность не только рассматривать юриспруденцию как сложное образование, интерпретируемое по правилам выделения элементов, принципа их связи и границ, но и обоснованно соотносить проблемы юридической техники с соответствующей проблематикой иных наук, классическими и современными гносеологическими конструкциями.

Основные трудности на пути построения понятия «юридическая техника» как научного и в этом смысле теоретической концептуализации «технической реальности» права и юриспруденции задаются следующими обстоятельствами.

Множественность философских дискурсов и концептуализаций техники. В обобщенном виде сегодня выделяется как минимум три основных дискурса техники: технократический, естественнонаучный и социокультурный. В рамках технократического подхода все основные сферы человеческой деятельности могут трактоваться «технически», то есть как существующие для овладения природой и обеспечения общественного производства. Наука здесь - непосредственная производительная сила, а образование - подготовка специалистов для производственных процессов и т. д. В естественнонаучном дискурсе делается попытка представить технику как явление природы, подчиняющееся определенным законам. При этом первая природа становится материалом технологий, человек - субъективным условием становления технической реальности, а основной исследовательской задачей - выявление законов техники как квазиприродного объекта и построение моделей «техноэволюции». В социокультурном дискурсе обсуждается сущность техники, что предполагает ее соотнесение с рядом иных явлений - природой, человеком, языком, деятельностью и т. д. Здесь техника не берется как самостоятельное целое, а рассматривается как аспект других реальностей - науки, практики, иных деятельностей, культуры и т. д. Считается, что данный дискурс реализуется,

прежде всего, в области социогуманитаристики (социология, культурология, антропология ит. д.). Может показаться, что проблемы соотнесения юридической техники с данными подходами не существует, поскольку юридическая наука как наука социальная естественно находится в рамках последнего из перечисленных дискурсов. Однако нетрудно заметить, что трактовка права как социального регулятора сопрягается с технократическим подходом, а идея естественного права тяготеет к естественнонаучному дискурсу.

Следующая трудность связана с «интеллектуальной синкретичностью» юриспруденции. Исторически сформировавшаяся практическая ориентация нашего научного правосознания неизбежно приводит правоведов (даже в общетеоретических исследованиях) к проецированию любой юридической проблемы в пространство реальной жизни и как бы параллельному видению плана реализации научных идей. Реализация же требует всесторонней оценки существующих условий, учета различных процессов и факторов (от психологических до экономических). Надо сказать, что в настоящий период сам термин «юриспруденция» не приобрел широкого распространения, используется контекстуально и, скорее, не как определение понятия, а как обозначение достаточно неопределенной области, включающей все явления, маркируемые как юридические, правда, соотносимые с юридической наукой [7]. Говорить о единообразии понимания данного термина пока не приходится. В подавляющем большинстве исследований (как прошлых лет, так и современных) термины «юридическая наука», «правовая наука», «наука права», «правоведение», «юриспруденция» не имеют строгого различия и относятся, в разных контекстах, к научному познанию права. А вот в юридической литературе XIX века достаточно широко распространен термин «практическая юриспруденция». О теоретической, практической, сравнительной и прикладной юриспруденции упоминает Ф.М. Раянов[8].

В методологическом плане проработка понятия «юриспруденция» важна не только для исследования проблем юридической техники, но и для принципиального самоопределения юристов в современном социокультурном пространстве, поскольку не все юридические исследования, строго говоря, являются по своей природе научными, а юридическое познание существенно сложнее просто научного познания[9].

Интересно высказывание Р. Штаммлера: «Так может случиться, что о результатах ее работы будет с основанием сказано то, что Кант говорит о комментаторе произведений писателя-теоретика: первый, с преданностью исследуя их, может, в конце концов, лучше постичь автора, чем этот последний понимает себя сам. С особенною силою, однако, может проявиться это также при юридическом исследовании»; и дальше, оценивая современную ему техническую юриспруденцию: «Она прекрасно сумела основательно перепахать принадлежавший ей исторический материал нашего права, избороздить его и иногда (подобно “искателю клада” у Бюргера) просеять землю сквозь решето» [10].

Проведенное несколько лет назад исследование становления и развития юридической науки в европейской правовой традиции привело автора к следующим значимым для целей настоящей статьи фиксациям [11].

1. Сложившееся к XVII веку европейское профессиональное правосознание являлось не научным, а юридико-догматическим, опирающимся в познавательном плане не на классическую научную рациональность, а на античную диалектику в интерпретации стоиков.

2. В XVII-XVIII веках развитие идей школы естественного права сформировало философско-правовое направление юридической мысли, причем достаточно слабо взаимодействующее с юридико-догматической традицией.

3. Научные, в смысле классической научной рациональности, подходы к праву сформировались только в XIX - начале XX века.

Данные положения позволяют сделать следующий вывод. Заложив под влиянием идей позитивной философии основы научного подхода к праву, юридическая мысль этого периода сохранила как догматические, так и «непозитивистские» философские традиции правоведения. При этом профессиональное сознание юристов уже не только различает философию, науку и догму как возможные подходы к праву, формы его «мыслимости», но и соединяет их через постановку проблемы соотношения в рамках правоведения. С методологической точки зрения разграничение правоведцами философского, научно-теоретического и юридико-догматического подходов к праву, объединенных проблемой их соотношения, может рассматриваться как свидетельство того, что именно в этот период окончательно сложились основные формы существования юридической мысли и, в этом смысле, завершилось становление европейской науки права. Представляется, что устройство юриспруденции допустимо интерпретировать как ее структуру. Однако, в таком виде она не позволяет приблизиться к выявлению места и роли в юриспруденции юридической техники, поскольку, строго говоря, надежно является продуктом юридической мысли только юридическая догма. И хотя именно юридическая догма фактически интерпретируется Р. Иерингом как юридическая техника, это другая техника, базирующаяся на правилах аристотелевской аподиктики, выросшая из категориальной оппозиции античной философии техне (искусство) — фюзис (природа), введенной для различения «естественного» и «искусственного», и, строго говоря, не может считаться собственно юридической [12].

Определенные перспективы в решении поставленной задачи (по крайней мере, в плане уточнения области исследования) связаны с представлениями о юридическом позитивизме. При этом важно различать позитивизм как фундаментальную гносеологическую установку правовой науки и позитивизм как установку практически ориентированного юридического сознания [13].

Обращения к такому разграничению в рамках обсуждения гносеологических проблем юридической науки встречаются еще у российских юристов начала XX века. В частности, сходная постановка

данного вопроса обнаруживается у Ф.В. Тарановского, который, характеризуя становление позитивной юридической науки в духе Огюста Конта, считает принципиальным отличать ее от позитивной догматической юриспруденции. Обращая внимание на неоднозначное употребление в сфере юриспруденции термина «положительный» («позитивный»), исследователь замечает, что наряду с его новым гносеологическим и методологическим смыслом «у юристов издавна существовало свое профессиональное понятие положительности» [14]. Прежде всего, данным термином юристы изначально противопоставляли право официально установленное, действующее в пределах конкретного государства, «праву естественному, как не действующему, не установленному и не признанному государственной властью, постулируемому (выставляемому в качестве требования) разумом». Такое профессионально-юридическое понимание «положительности», указывает автор, еще с XVII века присутствовало в юриспруденции, «которая занималась разработкой действующего права для целей его практического применения в суде» и противопоставляла себя школе естественного права²⁰. Таким образом, позитивная юриспруденция противопоставляет себя школе естественного права как прикладную, сугубо профессиональную деятельность юридического мышления, непосредственно обеспечивающую юридическую практику. При этом и в юридическом позитивизме («положительной юриспруденции») можно выделить как минимум два аспекта.

Первый - прикладные, главным образом «технические», разработки действующего (позитивного) права. Сюда можно отнести все разработки, касающиеся построения и оформления юридических текстов, систематизации законодательства, юридического документооборота, организационных схем и процедур профессиональной юридической практики и т. п.

Второй - осмысление положительного права с точки зрения «юридической догмы». Однако юридическую догму, как уже говорилось, сложно интерпретировать только в духе техники. По мнению С.С. Алексеева, здесь «имеется в виду не что иное, как специфический предмет юридических знаний, особый сектор социальной действительности - юридические нормы, законы, прецеденты, правовые обычаи, обособленные в соответствии с потребностями юридической практики в качестве основы решения юридических дел» [15].

Таким образом, можно с определенной долей оправданности утверждать, что юридическая техника формируется в позитивной юриспруденции, причем в ее первом аспекте. Это не означает, что исследование инструментария юридической догматики в этом плане абсолютно бесперспективно. Однако, получение корректных результатов в этом отношении, видимо, потребует дополнительных методологических средств и подходов. Кроме того, как уже упоминалось, в современной литературе юридическая техника соотносится и с правом, и с юридической практикой, и с правовой доктриной, и с догмой права, и с его теорией [16]. Все эти аспекты анализа имеют свои основания и резоны, однако пока весьма

далеки от научной определенности [17]. И если такая определенность в принципе достижима, то при преодолении всех названных, а скорее всего, и ряда иных исследовательских трудностей.

К сожалению, несмотря на огромную популярность технико-юридической проблематики, в современной теоретико-правовой литературе практически отсутствуют комплексные монографические работы по юридической технике. Не преодолен пока и законотворческий уклон в ее изучении.

Библиографический список:

1. Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники. - Н. Новгород, 2015.- С. 24.
2. Кашанина Т.В. Юридическая техника. - М., 2016. - С. 41.
3. Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова. - Н. Новгород, 2015. - С. 11.
4. Муромцев Г.И. Указ. соч. - С. 37.
5. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. - М., 2017. - С. 371.
6. Г.И. Муромцева именно как обозначение исследовательских направлений проблем юридической техники весьма интересны и, думается, перспективны приведенные выше идеи.
7. Нерсисянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. - М., 2017; Раянов Ф.М. Юриспруденция: Курс лекций. - Уфа, 2001.
8. Раянов Ф.М. Указ. соч. - С. 22.
9. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. - Екатеринбург, 2017.
10. Штаммлер Р. Сущность и задачи права и правоведения. - М., 2017. - С. 124—126.
11. Тарасов Н.Н. Указ. соч. - С. 97 и след.
12. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. - СПб., 2018. - С. 349.
13. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Пер. с фр. - М., 2017. - С. 47 и след.
14. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. - Юрьев, 2017. - С. 42.
15. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. - М., 2016. - С. 12.
16. Алексеев С.С. Указ. соч.; Муромцев Г.И. Указ. соч.; Кашанина Т.В. Указ. соч.
17. Муромцев Г.И. Указ. соч. — С. 27.